

Таким образом, под «просторечием» Аввакума следует понимать простой, «неукрашенный» стиль, в котором преобладание простонародной речи над языком церковно-славянской книжности было лишь одним из его признаков. Однако даже в этом смысле «просторечие» скорее является отрицательным, чем прямым определением стиля «Жития» — оно указывает на то, что противопоставляет его известному стилю, но не раскрывает признаков стиля самого «Жития». Другие термины, которыми пользуются исследователи, — «беседа» или «вяканье», т. е. непосредственная, безыскусственная манера повествования или «бесхитростная импровизация» (В. В. Виноградов), — также не исчерпывают всех особенностей стиля «Жития».⁷

Неудобство последних терминов заключается в том, что они дают возможность думать, будто стиль Аввакума сложился сам собою, стихийно, произвольно, бессознательно. На такое понимание наводит и сам Аввакум: «Что на ум попало, я тебе то и говорю». Однако уже сам факт предпослания редакции В «Жития» специального введения, являющегося своеобразным литературным credo Аввакума, свидетельствует о сознательном отношении писателя не только к содержанию, но и к форме своего сочинения. Об этом же свидетельствует и процесс работы Аввакума над редакциями «Жития».⁸ Прежде всего обращает на себя внимание то, что в редакции В в тексте «Жития» сокращаются или выбрасываются вовсе рассказы, прерывавшие в редакции А повествование, и даже некоторые рассказы о чудесах (например, стр. 116—119); с другой стороны, за пределами собственно «Жития» в этой редакции находим несколько дополнительных «чудесных» рассказов (стр. 188—194). В редакциях Б и В исключается гневное обличение никониан (стр. 137—139). В редакции В полемическая статья о причастии, разрывавшая повествование, перенесена в виде отдельной уже статьи в конец рукописи. Точно так же поступает Аввакум и с другим обличительным отрывком, направленным против запрещения со стороны никониан внецерковного крещения и явно нарушавшим течение рассказа в редакции А (стр. 108—110). Таким образом, Аввакум, заботясь о жанровой определенности «Жития», значительно перерабатывает свое произведение. С другой стороны, характерно, что введенные в редакцию В две новые статьи — «Почуение преподобного отца нашего аввы Дорофея о любви» и полемическая «О сложении перст» — помещаются здесь за пределами «Жития»: первая перед приступом, вторая вслед за статьей о причастии. Кроме того, интересно отметить, что мастерски рассказанный, но не имеющий прямого отношения к основному тексту «Жития» эпизод о хождении за рыбой на озеро Шакшу (стр. 190) помещается Аввакумом также за пределами «Жития». Итак, хотя рукопись сборника, по основному произведению получившая название «Житие», и разрасталась, но «Житие» в собственном смысле становилось все более и более цельным и однородным художественным

⁷ П. Паскаль в другой книге «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» определяет стиль «Жития» синонимичным понятием «болтовня» («caquet», «bavardage»), толкуя это определение как «свободное повествование с нестройной («lâche») композицией, в фамильярном тоне дружеской беседы» (La vie de l'archiprêtre Avvakum écrit par lui-même. Traduite du vieux russe avec une introduction et des notes par Pierre Pascal. 2-е édition, Paris, 1938, стр. 44. В дальнейшем: Pascal, La vie)

⁸ Под «Житием» мы разумеем не всю рукопись, являющуюся, по существу, сборником разнородных и самостоятельных сочинений, а «Житие» в собственном смысле, границы которого были определены нами в работе «Житие протопопа Аввакума как художественное произведение» (см тезисы в книге: 2-я конференция научных работников Челябинской области. Доклады. Челябинск, 1948, стр. 29—33).